

Б.Т. Удодов

Поэма «Мцыри»

На рукописи поэмы «Мцыри» помета: «1839 года Августа 5». Но это лишь дата завершения работы над произведением. Его замысел восходит к поэме «Исповедь» (1831). К 1831 году относится и план более обширного произведения на ту же тему: «Написать записки молодого монаха 17 лет». Этот замысел получил свое частичное воплощение в поэме «Боярин Орша», так и не опубликованной поэтом. Кавказские впечатления дали ему богатый материал для углубления давнего замысла.

«Мцыри» и «Демон» находятся в сложных отношениях взаимной соотнесенности и противопоставленности. «Бесплотной духовности» Демона противостоит «одухотворенная плоть» Мцыри как конкретного земного человека. Преобладающему в «Демоне» вселенски-космическому сюжету приходит на смену изображение земной жизни героя, прикрепленной к определенному месту и времени. Мцыри, как и Демон, дает «ненарушимую» клятву. Оба героя намечают высокую цель, которая должна привести их к «жизни новой». Демон стремится преодолеть одиночество через любовь. Идеал Мцыри шире: он для него не в союзе двух любящих душ, а в широком единении с людьми, родными и близкими не только по крови, но и по духу. Отсюда в нем такая жажда

...пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.

Мятежный и свободолюбивый не менее, чем Демон, Мцыри чужд демонического индивидуализма.

В «Мцыри» герой больше приближен, чем в «Демоне», к современной Лермонтову реальной социально-исторической действительности. Трагическая судьба горца, «пленника русского самодержавия» (И. Андроников), рвущегося из плена к обретению утраченной свободы, но так и не достигающего своей цели, была чрезвычайно созвучна лермонтовскому поколению. В то же время героический пафос бескомпромиссной борьбы, воодушевляющий Мцыри до конца его короткой жизни, явился наиболее непосредственным отражением лермонтовского идеала.

Вопреки кажущейся «монологичности» поэмы, в которой в качестве идейно-композиционного центра выступает исповедь ее единственного героя, она, как и «Демон», внутренне диалогична, что расширяет ее смысловой спектр. Наиболее распространена трактовка образа Мцыри как «естественного человека», сталкивающегося с губительной силой «цивилизации», оторвавшей его от «естественного состояния» и заточившей в монастырь. При таком рассмотрении герой лишается присущей ему внутренней динамики, а образ — свойственной ему многозначности. Годы пребывания Мцыри в монастыре, насильственного приобщения к «цивилизации» были насыщены не только горечью утрат и страданий, но и известными обретениями. Необычность его положения и судьбы заставляет Мцыри задуматься над проблемами, несвойственными «естественному» сознанию. Наряду с мечтами о родине и свободе, в Мцыри зарождается стремление к познанию окружающего мира, степени его соответствия живущим в нем мечтам и идеалам:

Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.

Думы героя свидетельствуют об интенсивно протекающем в нем формировании не только сознания, но и самосознания — важнейшего личностного свойства человека,

выводящего его из естественной природной непосредственности. Эта жажда познания, стремления решить для себя важнейший вопрос о мере свободы человека неожиданно сближает Мцыри с «царем познания и свободы» — Демоном.

В отличие от «злого духа» Демона, Мцыри вступает в самый тесный контакт с природой. Но это общение не сводится к его гармоническому слиянию с миром природы, не менее значимы здесь и диссонирующие ноты. Совсем недавно бывшая прекрасной, природа предстает вдруг герою в облике темного и молчаливого, неотзывчивого мира:

Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Все лес был, вечный лес кругом.

Кульминацией метаморфоз природы в ее отношении к человеку выступает сцена смертельной схватки Мцыри с барсом. В ней с наибольшей силой раскрывается героическая суть характера героя. Несмотря на всю близость к природе, Мцыри — представитель иного «царства», человеческого, которое не может строиться и существовать по природным законам.

На пути в «край отцов» Мцыри переживает еще одну встречу, которая имеет и непосредственно фабульный и символично-обобщенный смысл, — встречу с девушкой-грузинкой, по-своему объединяющий две жизненные сферы — природы и человеческого «естественного состояния». Но Мцыри преодолевает соблазн уединенного счастья и покоя вдали от родины, от «мира тревог и битв». Как и его соплеменник Измаил-Бей из одноименной поэмы, Мцыри мог бы сказать:

Нет, не мирной доле,
Но битвам, родине и воле
Обречена судьба моя.

Он так и не зашел в саклю, где скрылась юная грузинка:

Я цель одну,
Пройти в родимую страну,
Имел в душе.

Внутреннюю диалогичность монолога героя следует рассмотреть особо. Мцыри в своей исповеди постоянно обращен к своему слушателю-монаху, он все время словно спорит с ним, а нередко — и с собой. Эта диалогичность исповеди-монолога Мцыри объясняется тем, что не только Демон, но и Мцыри далек от гармоничности, внешней и внутренней. Одно из его противоречий — между силой духа и слабостью тела — отражает не только пагубность воздействия на него монастырской, «темничной» атмосферы, но и «несоответствие» более глубокого, уже не социально-исторического, а философского плана — между бесконечными возможностями человеческого духа и конечностью существования «бренного» человеческого тела. Эти и подобные им противоречия служат источником диалогического столкновения в сознании героя мнений и «сомнений». Внутренняя диалогичность исповеди Мцыри осложняется проникновением в нее «чужого» слова, в чем-то принимаемого и в чем-то отвергаемого. Так, приближающаяся смерть для Мцыри — это возвращение

...вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой.

Здесь звучит религиозный мотив возвращения человеческого духа на свою «небесную родину». Но тут же, перебивая это чужое слово, глубоко проникшее в сознание героя, звучит его собственное «противослово». Размышляя о неизбежной и скорой кончине, о небесном рае, который сулят людям «отцы церкви», Мцыри восклицает:

Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом заоблачном краю

Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял.

Богоборческая направленность, хотя и не так явно выступающая, как в «Демоне», внутренне органична и для «Мцыри».

Диалогичность «Мцыри» не сводится к внутреннему диалогу в исповеди героя. В структуре поэмы наличествует не явно выраженный, но многое определяющий диалог автора и героя, создающий в совокупности с другими видами диалогичности «большой диалог» поэмы. В этом плане многозначителен эпиграф к поэме, высвечивающий многообразие ее социально-исторического, философско-гуманистического содержания. Эпиграф представляет собою видоизмененную цитату из Библии: «Вкушая, вкусил мало меда, и се аз умираю». Даже вне контекста библейской легенды эпиграф, «переговариваясь» с текстом поэмы, дает целый пучок смыслов. Один из них: «Я мало жил, еще меньше вкусил жизненных благ и уже должен умереть — в этом ли высшая справедливость?» Или: «Почему так скоротечна и бедна человеческая жизнь перед лицом неистощимо богатой и вечной природы?» Этому ряду смыслов противостоят другие, например: «Я мало жил, но приобщился к главному в жизни — к свободе». Смысловое богатство диалогического подтекста поэмы умножается при обращении к библейскому контексту эпиграфа, по которому юноша Ионафан (слова которого вынесены в эпиграф поэмы), помогший народу отстоять свою свободу, был осужден на смерть за нарушение царского «безрассудного» запрета. И возроптал тогда народ: «Ионафану ли умереть, который доставил столь великое спасение? Да не будет этого! И освободил народ Ионафана, и не умер он». «Земной мед» обретает в межтекстовом диалоге значение не просто земных благ, но и их «заклятой» запретности, становится символом ограничений, устанавливаемых человеку религией, официальной моралью, деспотической властью. Эпиграф, с одной стороны, подчеркивает несправедливость запретов, ограничивающих полноту земной человеческой жизни, а с другой — законность протеста против всех земных и небесных «заклятий», превращающих человека в покорного исполнителя чужой воли и чуждых ему законов. С огромной трагической силой в поэме как бы утверждается: «И не освободил народ Мцыри, и умер он». Но в этом нет вины народа, как нет вины и героя. Тут скорее их беда: они пребывают в насильственном отрыве друг от друга. Мцыри рвется на родину, к своему народу, но не находит пути к нему, и в этом один из истоков его трагической обреченности. Тем не менее даже на пороге смерти он не отказывается от верности свободе, родине и своему народу.

Полифонически многозначно соотносятся между собой и авторское вступление к поэме с исповедью героя. Если эпиграф напоминал о временах библейско-легендарных, то в первой строфе пролога говорится уже о реально-достоверной, хотя и «седой» старине — об истории древнего монастыря, многострадального грузинского народа, воссоединившегося с Россией и тем самым упрочившего свою безопасность («И божья благодать сошла на Грузию»). Вторая же глава пролога переводит повествование из общеисторического плана, предмет которого — судьба государства и народа, в план индивидуально-личностный. Здесь излагается «история» судьбы конкретного человека — Мцыри. Поэт движется последовательно от большой к малой истории, а от нее — к отдельному человеку, песчинке истории. В исповеди «история души» героя раскрывается как особая «малая вселенная» личности, в ее автономности и вместе с тем зависимости от «большой вселенной». Двойной взгляд поэта на своего героя, извне и изнутри, сближает и разделяет его с ним. Сочетание в авторской точке зрения «телескопического» и «микроскопического» рассмотрения героя придает его изображению смысловую масштабность и глубину. Соотношение правды «цветущей Грузии» и судьбы Мцыри, успехов «цивилизации»

и трагедии отдельного человека в поэме Лермонтова в известной мере перекликается с «опозицией» правд Петра и Евгения в «Медном всаднике» Пушкина. Ни Пушкин, ни Лермонтов не имели готовых рецептов по согласованию этих антиномически связанных правд.

Трагизм Мцыри не только в том, что он не находит конкретного пути, ведущего на родину, к свободной, «естественной» жизни, но и в том, что такого пути нет вообще, ибо нет возврата назад — к историческому прошлому. Как и в «Демоне», Лермонтов в поэме «Мцыри» запечатлел «вечный ропот человека» (ср. слова Мцыри: «Мне внятен был тот разговор, немолчный ропот, вечный спор»), его вечный поиск, неустанную борьбу за созидание и утверждение в себе и в мире высших человеческих ценностей, исторически накапливаемых и передаваемых как эстафета — от человека к человеку, от поколения к поколению, от эпохи к эпохе.